

УДК 821.112.2

НЕМЕЦКИЙ РОМАН НА ИСХОДЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕКА: ИСКУШЕНИЕ РЕАЛИЗМОМ

© Г.А.Фролов

В статье исследуется жизнь немецкого романа на переходе к XXI веку, поиск нового художественного курса, перехода к новым литературным берегам и горизонтам, лежащим за пределами постмодернистской парадигмы. Основное внимание уделено изучению существенного поворота авторов к актуальной реальности и реалистическому принципу повествования.

Ключевые слова: немецкий роман, модернизм, постмодернизм, искушение реализмом, синтетический жанр.

Авторы теоретических, научно-практических трудов и изданий последнего десятилетия стремятся осмыслить радикально меняющуюся картину литературной жизни на Западе. На первый план выходят мнения о том, что пространство современной литературы уже не укладывается в понятие постмодернистской парадигмы, к ней все реже прикладывается определение «культурная доминанта эпохи». Столь привлекательная в последние годы проблема «между модернизмом и постмодернизмом», не теряя своей актуальности, неизбежно уступает место множественным прогнозам: какой новый художественный опыт складывается сегодня, к каким новым горизонтам движется литературный поток в западных странах. Естественно, преобладает мысль о судьбе постмодернизма: завершился ли его литературный век, исчерпан ли его творческий потенциал, и он, как 50 лет назад модернизм, истощился и «на излете»? Или он, питаемый великим принципом плюрализма, конструктивно реализуя его в сплаве с другими творческими принципами, продолжает свое уверенное шествие, и образцы «сильного постмодерна» снова и снова приходят к читателям?!

Этот вопрос является центральным. Подъем и возвышение постмодернизма как культурной парадигмы заключается в том, что он, в отличие от модернизма, не отрицает, а включает опыт предшествующих систем и форм; принципиальный плюрализм, являющийся ядром постмодернистской культуры, означает «множественность и диверсивность, многообразие и конкуренцию парадигм, сосуществование гетерогенных элементов» [1: 89]. Из этого положения может быть извлечен тот смысл, что продолжением постмодернизма могут быть различные литературные формы, в той или иной степени родственные ему, логически из него вытекающие.

В поисках имени того, что будет сменой постмодернистской эпохи – в теоретическом аспек-

те – предлагается множество долговременных и краткосрочных прогнозов. На что указывает «практический» литературный материал, обзорами и анализом которого наполнены журналы и научные сборники? В рамках заявленной темы обращают на себя внимание многие характеристики «литературного курса» современных западных романистов, связанного с акцентированием реалистического продолжения «эпохи постмодерна».

Один из них увидел свет как раз на переходе к XXI веку. И хотя прогноз опирается на произведения российских авторов, принципиальное название статьи не может не обратить на себя внимание германистов или романистов: «Реализм как заключительная стадия постмодернизма» [2]. Исходная позиция автора: постмодернизм в своем развитии «обозначил тупик: реальность в нем исчезает, демонтируется...» [2: 234]. Постмодернистское сознание, по его мнению, уже не способно справиться с задачей выразить непрерывно изменяющийся мир, новую реальность в ее новых формах. Далее, следуя простой логике, делается вывод о том, что ее новый облик и содержание наиболее глубоко способен отразить писатель-реалист, всегда внимательный к реальности, «новый реализм», который определяется как «синтез традиционного взгляда на мир с субъективным» [2: 237]. Неприемлемо это крайнее противопоставление постмодернизма и реализма, вырезание из постмодернистского плюрализма реалистического опыта. Но сам заявленный тезис как теоретический постулат можно принять; и в чем с автором можно определенно согласиться, так это в том, что реалистический принцип письма всегда использовался высоким авторитетом. Надежды на реализм проявляются в прогнозах многих отечественных и зарубежных исследователей литературы, в их трудах, где изучается жизнь современного западного романа.

В своих заметках об англо-американской прозе 1970-1990 гг. О.Панова считает возможным говорить о «ренессансе реализма» в произведениях, написанных с реалистических позиций, выражающих «насуточные социальные и нравственные проблемы» (романы У.Голдинга, М.Бредбери, Ф.Рота). «Искушение реализмом» обнаруживается в прозе Д.Барнса, Д.Ирвинга [3: 32 и др.]. «Возвращение к реализму», к его эстетике и поэтике обнаруживают и специалисты в области французского романа, в котором отражается «история, политика, мир, реальная жизнь во всей ее конкретике» [4: 137]. Термин «неореализм» возникает и в другом исследовании, когда в романах П.Киньяра, Ж.Руо, Ж.Эшноза обнаруживается глубоко правдивое открывание «существенной, наличной реальности» [5: 197]. Основанием для новой рецепции реалистического художественного опыта объявляется изменившаяся реальность, ее новые формы, архитектура. Неизменно подчеркивается, что это «новый», «высокий», «предельный» реализм и неореализм, в котором есть не только линейность и правдоподобие, но и другое: «слияние документальности и авторского вымысла» [4]; «сопряжение объективного и субъективного» [5]: это тот «новый реализм», в котором решающим фактором выступает индивидуальный образ реального мира.

Подобные аргументы и характеристики можно обнаружить и в исследованиях по германистике, где предметом изучения является жизнь немецкого романа на переходе веков. В своем исследовании немецкоязычной прозы 1980-1990-х гг. Н.Фёрстер обнаруживает в ней повествовательные стратегии реализма, возвращение к реалистическому способу письма, к реалистической традиции 19 столетия: реально-исторический материал и персонажи, линейная хронология и детерминизм. Страницы романов (Шнайдера, Рансмайра, Надольны и др.), в которых перекрещиваются картины действительной жизни и игра с реальностью, он называет «гиперреалистическими описаниями» [6: 166]. В научном сборнике «Немецкий роман современности» дано весьма обстоятельное описание литературы «новой объективности», т.е. той, в которой проявился «поворот к конкретности жизни, к экзистенциальному, общественному, историческому спектру человеческого бытия во всей его широте» [7: 78]. Эстетической особенностью этих романов объявляется «органический сплав субъективного с объективным», что позволяет выразить не только наличное содержание, но и возможности бытия.

Отражение немецких реалий в традициях реалистического повествования обнаруживается во многих романах, созданных на переходе к новому веку и тысячелетию. В «Летучих собаках»

М.Байера, «Чтеце» Б.Шлинка, «Болезни Китахары» Кр.Рансмайра, тематически и сюжетно обращенных к послевоенной действительности, вновь возникает столь актуальный и для современной Германии «немецкий вопрос» о национальной вине и ответственности. В них нарисованы реально-исторические события военной и послевоенной Германии (война, Берлин, деятельность гитлеровской верхушки, страшные сцены насилия в концлагерях, американская и советская зоны оккупации, плен, трагедия «потерянного поколения»), реально-исторические персонажи. Судьбы немцев вписаны в эти переломные обстоятельства; именно этим немецким общественно-политическим расколом объясняются страдания героев романа, их трагические судьбы и исходы. Как и в «литературе потерянного поколения», война приходит за ними в немецкие дома, в которые они вернулись после разгрома и поражения; поведение немцев, их отражение, внутренняя жизнь, быт определяется вчерашним прошлым. В этом аспекте широкое признание получил роман И.Хаслингера «Венский бал» (1995), в котором актуализированы реальные проблемы современной немецкой жизни (неуправляемый хаос, терроризм, отчуждение, враждебность), которые конкретизированы в книге через документальные, детализированные описания «в шифрах сурового реализма». Объективное «лицо мира и человека» критики также обнаруживают в романе Р.Коха «Рааге – Молодожены» (2000). В нем проявился «широкий план», характерный в целом для немецкого романа 1990-х гг.: «открытость для всех форм жизни, реального и возможного для Я и мира, с которым оно неразрывно связано». Вместе с тем в «Молодоженах» обнаружили и тенденцию позитивного обращения к «элементарной реальности жизни», простым человеческим заботам и радостям. Как раз наполненность романа сценами и событиями привычного, нормального существования людей позволяет, по мнению автора «Новой объективности», дать образ жизни «под знаком положительного ожидания и надежды» [7: 99].

В качестве особенно наглядного и развернутого образца литературы, сориентированной на художественный опыт реализма, в статье рассматривается творчество известного немецкого писателя Петера Хандке (1941). Его литературная юность начинается с радикального вызова «нерассуждающему, плоскому реализму, который он бросил на заседании «Группы-47», с его канонизированной формой изображения, нормативностью и повествовательной импотенцией» [8: 565].

Это критически неравнодушное отношение к реализму проявилось и в более поздних выступ-

лениях Хандке, когда его «непродуктивную тиранию» он стремится осмыслить в общелитературном плане. В 1967 году в своем знаменитом эссе «Я – обитатель башни из слоновой кости» он, имея в виду прежде всего «плоский реализм», пишет: «Оказывается, через многократно повторяющееся применение художественный метод постепенно истощается и в конце концов полностью превращается в тривиальное искусство, ремесленничество» [6: 149]. Может быть, все эти радикальные выпады молодого литератора (критики назвали его «литературным матадором») были направлены не «лично» против реалистического письма, а против творчества канонизированного, нормированного, продуцирующего схемы, модели и клише.

Эти установки определили тот акцентированный авангардистский эксперимент, который проявился в его первых литературно-художественных произведениях. Его ранние драматические опыты критики относят к «неоавангардистской литературе позднего модерна»: реальность растворяется в искусственно выстроенных театральных конструкциях. Модернистские принципы отражения человеческого существования обнаруживаются в его первых романах («Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», 1971). Читателю подается не реальная история бывшего футболиста; нарисованный в романе мир представлен как мозаика из осколков, без причинно-следственных связей. Реальность исчезает, превращенная в слова. Несмотря на внешнюю конкретность рассказанной истории, в целом во «Вратаре» представлена модернистская модель бытия: в нем утрачена целостность и смысл. Это история нарастающего отчуждения от реальности, разрастания обстоятельств, вытесняющих Я, герметической закрытости героя в мире, утерявшем свою нормальность и понятность.

И все же, наблюдая за творческой эволюцией Хандке, следует отметить, что его литературные эксперименты – это те, которые никогда не забывают о традиции. В последующие годы его все чаще настигают сомнения в истинности выбора башни из слоновой кости как правильной авторской позиции. Подтверждением этому служит его высказывание: «Но я живу только в пространстве «между» («Zwischenraum», 1987). Отрицание однозначности, узости творческого принципа проявляется в его «маленьких романах» 1970-х гг., прежде всего в «Коротком письме к долгому прощанию» (1972). Справедливо критики отнесли его к первым постмодернистским произведениям «немецкого изготовления», и это как раз и подтверждает неизменную линию писателя на инновацию, на эксперимент (соеди-

нение реального и фикционального, игра с реальностью, замещение традиционного повествования интертекстом, «цитируемыми» картинками и образами из книг других авторов). И не в последнюю очередь в постмодернистском принципе повествования Хандке привлекает тот факт, что сильный постмодернизм в своем творчестве реально настроен на продолжение прошлого художественного опыта, с его помощью надеется выразить те глубины и тайны человеческого бытия, которые невозможно раскрыть, опираясь лишь на возможности одного принципа – романтического или модернистского.

Постмодернизм внимателен ко всякой традиции, в том числе и романтического письма, что и проявляется в «Коротком письме» Хандке. Критик Т.Эльм считает, что именно в этом произведении маркируется поворотный пункт в творчестве писателя, в котором проявилось трудное, но отчетливо осознанное прощание Хандке с модернистскими абстракциями, моделями, медленное, но неотвратимое «возвращение домой»; проявилось то, что он позже сформулировал так: «Для меня литература – это жизненное содержание» [8: 581]. Лирический герой «Долгого прощания», остро переживающий ситуацию жизненного тупика (разрыв с возлюбленной, отчуждение, неудовлетворенность своей работой, своими книгами) отправляется в дальнейшее путешествие. На первый план здесь выдвинут мотив недоверия к самому эстетическому творчеству (рисование схем, структур, моделей, в которых отсутствует живая жизнь и живые чувства). «Реалистическое бегство» из Европы в Америку потребовалось рассказчику, чтобы сменить жизнь, открыть новый мир как возможность обретения родственности, новых встреч, нового примирения и прикрепления к реальности. Особый смысл здесь приобретает поиск того «короткого письма», которое помогло бы соединить «разорванную нить жизни». Особенно многозначительна конечная точка долгого путешествия немецкого художника: встреча со знаменитым американским сценаристом, кинорежиссером Дж.Фордом. Как представитель реалистического искусства, он дает молодым героям романа, «слишком долго располагавшимся во всех мыслимых позах отчуждения», мастер-класс наиболее верной линии поведения в жизни и творческом выборе: преодоление замыкания в себе, индивидуализма, самокопания. Верный выбор: «нормальность жизни, «мы» (а не европейское «я»), правда о реальности, подлинные, непридуманнные истории, написанные ясно и просто» [9: 320].

Поэтому и говорят критики о Хандке 1970-х гг. как о «новом Хандке», о его «новом письме», в котором соединяется «реальная и в повествова-

тельном плане сконструированная действительность» [10: 217].

Наиболее значительным образцом «нового письма» Хандке является роман «Медленное возвращение домой» (1979). Именно с ним Д.В.Затонский связывает «резкую переориентацию писателя, движение от формализма к реализму, создание подлинно художественной, реалистической картины мира» [11: 382]. Действительно, в романном повествовании в духе классической традиции описана жизнь геолога Валентина Зоргера, европейца, поселившегося на краю земли (Северная Америка, Аляска). Здесь он живет, работает, изучает жизнь земли в необычных климатических условиях, природный ландшафт сурового североамериканского края. Сюда привели его поиски своего места на земле, чтобы испытать себя на прочность, на жизненную самостоятельность. Это искание своего «я» через приобщение к нетронутой природе, равновесия внутри себя, подсказанное природным миром.

На первый взгляд, «Медленное возвращение домой» – это простой наивный реализм, который можно было обнаружить в романах XVIII века, в приключениях «простодушных» героев, «убежавших» на природу. На второй же, в романе обнаруживается глубокий, многослойный художественный мир. Природные, пейзажные картины в нем перемежаются с причудливыми, удивительными пейзажами внутреннего ландшафта. Как и окружающий его суровый природный мир, Зоргер стремится упорядочить свое личностное бытие: «Заново создать себя, собрать себя воедино и сделаться неуязвимым» [12: 208]. Обретение себя и своего места в жизни можно назвать основной идеей произведения. В нем нарисованы не только маршруты путешествия героя; на каждом новом отрезке жизненного пути Зоргер обновляется внутренне. А каждая точка – это наивысший психологический момент. Сам роман можно отнести к литературе психологического реализма.

В «Медленном возвращении» Хандке развешивает еще и ту идею, в соответствии с которой земное бытие человека сопряжено с универсумом. Зоргер ощущает свою принадлежность Вселенной, большому миру, своей эпохе и своему веку. В своих исканиях он открывает универсальный закон, который бы связал его со всем миром событий, с человечеством и с каждым человеком в отдельности. В нем кристаллизуется высшее знание о жизни; чутко прислушиваясь к универсальному потоку бытия, Зоргер оказывается способным выбрать верную линию поведения и для себя. В этих своих открытиях и обре-

тениях Зоргер может быть охарактеризован как герой романа классического реализма.

Еще одно наблюдение. Новый роман Хандке – это повествование о человеке, который ищет свое место еще и в «ландшафте общества». В нем нарастает желание вернуться домой, в Австрию. Америка, Аляска выполнили по отношению к нему свою миссию. Зоргер жаждет новой гармонии, приобщения к чему-то более прочному, корневому. В нем просыпается национальное чувство, он ощущает себя частью народной жизни, земли, где он родился.

В «Медленном возвращении домой» развернут огромный мир реальной действительности: американского и европейского континента, Аляски и маленькой австрийской деревушки; мир природы и города, политика, жизнь, быт простых людей, охотников и горожан, сфера творческой деятельности «экзистенциальные, общественные, исторические, национальные спектры человеческого бытия во всей его широте» [7: 78]. Действительно, в нем в полной мере проявился тот высокий тон, который в романах Хандке в последние годы «поднимается все выше и выше». Можно сказать, что он проявляется также в тяготении писателя к множественному литературному опыту, «к давным-давно рассказанным историям и классическому повествованию» [10: 216].

Итогом проведенного исследования может быть вывод о том, что в «многополюсном» (в литературном смысле) романе проявился решительный сдвиг к «реалистическому полюсу». Но, конечно, это реализм нового качества. В нем соединились различные жанровые модификации реалистического романа: психологического, социального, классического. Герои романов П.Хандке выбирают путь, который бы связал их со всем миром.

Как видно, его выбирают многие современные немецкие авторы и их герои.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-04-00248) «Между модернизмом и постмодернизмом: смена литературных эпох на Западе».

1. *Welscholfang W.* Unsere postmoderne moderne. 6. Auflage. – Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2002. – 189 s.
2. *Степанян К.* Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя. – 1992. – № 9. – С. 231 – 239.
3. *Панова О.Ю.* От постмодернизма – к реализму (Заметки об англо-американской прозе 1970-1990-х) // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. – М.: Экон-Информ, 2006. – 216 с.

4. Литература века: итоги и перспективы изучения. – М.: Экон-Информ, 2008. – 262 с.
5. *Паксарьян Н.Т.* Избранные статьи о французской литературе. – Днепропетровск: Арт-пресс, 2010. – 251 с.
6. *Förster Nikolaus.* Die Wiederkehr des Erzählens. Deutschsprachige Prosa der 80 er and 90 er Jahre – Berlin, 2001. – 173 s.
7. *Freund W.* «Neue Objektivität». Die Rückkehr zum Erzählen in den neunziger Jahren // Der deutsche Roman der Gegenwart. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. – 248 s.
8. *Deutsche Dichter.* Band 8. Gegenwart. – stuttgart: Reclam, 1994. – 620 s.
9. *Хандке Петер.* Страх вратаря перед одиннадцатиметровым. – СПб: Амфора, 2000. – 413 с.
10. *Weidermann Volker Lichtjahre.* Eine kurze Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis heute. – Köln: Verlag Kiepenhener, 2006. – 323 s.
11. *Затонский Д.В.* Австрийская литература в XX столетии. – М.: «Художественная литература», 1985. – 297 с.
12. *Хандке Петер.* Медленное возвращение домой. – СПб: «Азбука», 2000. – 299 с.

GERMAN NOVELS AT THE END OF THE LITERARY CENTURY: TEMPTATION OF REALISM

G.A.Frolov

The article studies the German novel around the turn of the 21st century, the search for a new artistic trend, the discovery of new lands and literary horizons beyond the postmodern paradigm. It focuses on the authors' radical turn to the actual reality and realistic narrative.

Key words: German novels, modernism, postmodernism, temptation of realism, synthetic genre.

1. *Welsch Wolfgang W.* Unsere postmoderne moderne. 6. Auflage. – Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2002. – 189 s. (In German)
2. *Stepanyan K.* Realizm kak zaklyuchitel'naya stadiya postmodernizma // Znamya. – 1992. – № 9. – S. 231 – 239. (In Russian)
3. *Panova O.Yu.* Ot postmodernizma – k realizmu (Zametki ob anglo-amerikanskoj proze 1970-1990-x) // Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya. – М.: E'kon-Inform, 2006. – 216 s. (In Russian)
4. Literatura veka: itogi i perspektivy izucheniya. – М.: E'kon-Inform, 2008. – 262 s. (In Russian)
5. *Paksar'yan N.T.* Izbrannye stat'i o francuzskoj literature. – Dnepropetrovsk: Art-press, 2010. – 251 s. (In Russian)
6. *Förster Nikolaus.* Die Wiederkehr des Erzählens. Deutschsprachige Prosa der 80 er and 90 er Jahre – Berlin, 2001. – 173 s. (In German)
7. *Freund W.* «Neue Objektivität». Die Rückkehr zum Erzählen in den neunziger Jahren // Der deutsche Roman der Gegenwart. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. – 248 s. (In German)
8. *Deutsche Dichter.* Band 8. Gegenwart. – stuttgart: Reclam, 1994. – 620 s. (In German)
9. *Хандке Peter.* Strax vratarya pered odinnadcatimetrovym. – SPb: Amfora, 2000. – 413 s. (In German)
10. *Weidermann Volker Lichtjahre.* Eine kurze Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis heute. – Köln: Verlag Kiepenhener, 2006. – 323 s. (In German)
11. *Zatonskij D.V.* Avstrijskaya literatura v XX stoletii. – М.: «Художественная литература», 1985. – 297 s. (In Russian)
12. *Хандке Peter.* Medlennoe vozvrashhenie domoj. – SPb: «Азбука», 2000. – 299 s. (In German)

Фролов Георгий Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: olga.nesmelova@ksu.ru

Frolov Georgy Arkadyevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literature, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: olga.nesmelova@ksu.ru

Поступила в редакцию 21.01.2014